Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди

Автор:
Барон Олшеври

Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди

Барон Олшеври

«Сегодня большая комната деревенской гостиницы ярко освещена и убрана по-праздничному. Там собралось большое и богатое общество. Вот уже неделя, как вся гостиница снята для американского миллионера мистера Гарри Карди.

Его приезду предшествовали целые легенды. Говорили, что он несметно богат, что его хлопчатобумажные плантации – целое королевство. Что в его происхождении много таинственного, что он потомок мексиканского короля Монтезумы и что он тайно поклоняется Вицли-Пуцли.

Вымысла в рассказах, конечно, было больше, чем правды. Одно оставалось неоспоримым: мистер Гарри богат, молод, страстный охотник, и страсть эта заставила его побывать и в Африке, и в Индии. В Европу его привело дело и любопытство путешественника…»

Барон Олшеври

Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди

Посвящается Е. Л. Х

Пролог

Не любо – не слушай,

А врать не мешай.

Сегодня большая комната деревенской гостиницы ярко освещена и убрана по-праздничному. Там собралось большое и богатое общество. Вот уже неделя, как вся гостиница снята для американского миллионера мистера Гарри Карди.

Его приезду предшествовали целые легенды. Говорили, что он несметно богат, что его хлопчатобумажные плантации – целое королевство. Что в его происхождении много таинственного, что он потомок мексиканского короля Монтезумы и что он тайно поклоняется Вицли-Пуцли.

Вымысла в рассказах, конечно, было больше, чем правды. Одно оставалось неоспоримым: мистер Гарри богат, молод, страстный охотник, и страсть эта заставила его побывать и в Африке, и в Индии. В Европу его привело дело и любопытство путешественника.

В деревне болтали, что приезд этого сказочного принца в Карпатские горы был сопряжен с вводом во владение древним замком графов Дракула.

Замок этот лет сорок, если не больше, стоял покинутым. Все хозяева вымерли, а последний, как говорят, оставил мир и отрекся от жизни, похоронив себя в монастыре, где и умер.

Одни уверяли, что мистер Гарри купил замок ради титула, другие – что замок перешел к нему по наследству.

Что один из графов Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов, и что уже оттуда его потомки попали в Америку. Мистера Гарри сопровождал целый штат служащих, друзей и прихлебателей.

Самыми близкими к миллионеру были: доктор Вейс, небольшого роста полный господин, весельчак и милый собеседник; капитан Райт – англичанин, доведший свое хладнокровие до апогея. Рассказывали, что, находясь в плену, в

подземельях кровожадной Бовами, где его ожидала неминуемая смерть, он не изменил своему обычаю и не выпускал сигары изо рта, а при почти чудесном освобождении спросил стакан рому и выпил его так же спокойно, как и на дружеской пирушке. К этому неразлучному трио присоединился еще Джемс Уат, также американец, но в жилы которого, несомненно, попала живая кровь француза. Он был подвижен и всегда желал до всего допытаться, ко всему, его занимающему, прикоснуться руками. За желание потрогать золотой лотос на груди какого-то индийского истукана он чуть не заплатил всей рукой. И посейчас красный шрам, как змея, обвивает его руку. Этот шрам – память от удара одного фанатика. За страсть Джемса к наблюдениям и выводам доктор называл его Шерлоком Холмсом.

Затем шли: управляющий Смит; личный камердинер Гарри – Сабо; слуга и помощник доктора Джо (он же заведовал аптекой и всеми перевязочными средствами, столь нужными при опасных охотах); повар и лакей. Остальной штат нанимался из местных жителей и при отъезде распускался. Общество друзей-прихлебателей тоже менялось по месту жительства.

Теперь Гарри сопровождала больше молодежь – любители охоты или же люди, умевшие вообще пожить за чужой счет.

Надо отдать справедливость, Смит умел занять гостей хозяина. В настоящее время охота сменяла охоту, одна лучше другой, а по вечерам всех ждал роскошный ужин с обилием лучших вин.

Вино развязывало языки. После трапезы шли разговоры. Вначале болтали о скачках и женщинах, но чем дальше в горы забирались охотники, тем чаще прежние темы сменялись охотничьими байками и рассказами о приключениях в лесах Америки и джунглях Индии.

Сегодня хозяин изобрел новую забаву – чтение. Недавно он принял на службу старика библиотекаря, Карла Ивановича Шмидта, для разборки нужных бумаг, а главным образом для отыскания в местном церковном архиве документа о смерти или погребении одного из графов Дракула. Каждый вечер библиотекарь давал отчет, что им найдено за день, и вот сегодня он принес хозяину бумаги, вернее, дневники или записки, взятые из церковного архива. Записки эти показались Гарри интересными, и он попросил Карла Ивановича прочесть их вслух после ужина, для развлечения гостей.

Часть I

Дневник учителя

Глава 1

С этой ночи никто из жителей не видел его.

Что это, случайность или новая жертва?

Я сказал жертва, но жертва чего?..

Глава 2

Вот уже полгода, как я не брал в руки эту тетрадь. Все было спокойно. Мое подозрение, что между «случайностями» есть связь, что-то роковое, что заставило меня вести эту летопись несчастий, улеглось. Мне даже было стыдно, что я поддался такому суеверию…

Вчера мои сомнения вспыхнули вновь. Пропал Генрих-охотник.

Генрих – это предмет тайных мечтаний всех деревенских невест. Молод, красив, всегда весел. Первый танцор и первый храбрец. Говорили, что он не знает страха, черта не боится, а перед Божьей Матерью, покровительницей нашей деревни, склоняется почтительно и даже носит ее изображение и образок на груди на зеленом шнурочке.

В пятницу утром Генрих ушел на охоту, обещав вернуться ко времени службы в костеле. Но ни в воскресенье, ни в понедельник его не было. Сестра его, Мария,

очень беспокоится: не случилось ли с ним несчастья. Она пришла к нам на кухню, плакала и просила совета.

Среда – Генриха нет. По деревне уже идет слух, что он погиб и искать его надо не иначе как в Долине ведьм…

Но зачем он туда попадет? Если кузнец Михель и нашелся в Долине ведьм, то он был пьян… Генрих не пьет, да и промысел его лежит не близ проезжей дороги, а по другую сторону, в горах…

– Здесь, видимо, вырвано несколько листов, – сказал библиотекарь, сдвигая очки на лоб.

– Вот и отлично, перерыв, мы можем выпить по стакану вина! Эй, Сабо… – вскричал веселый хозяин. – Кстати, господа, – продолжал Гарри, – по расписанию мы завтра после охоты ночуем в Охотничьем доме. Он как раз на холме, при входе в Долину ведьм. Вот, капитан Райт, тебе случай показать свою храбрость.

– Пока я еще ничего не понимаю, – пробурчал Райт.

– Поймешь, когда ведьма завладеет тобой.

– Да объясни лучше, что это за знаменитая Долина ведьм?

– Долина ведьм – прекрасное место, – вмешался один из гостей, местный уроженец. – Говорят, туда собирается нечистая сила и ведьмы справляют там свои мерзкие праздники. Кто дорожит спасением души, не должен на них смотреть.

– Видите ли, друзья мои, – вновь начал Гарри, – Долина ведьм – это небольшая прелестная равнина, лежит она у подножия скалы, на которой стоит замок. Но скала настолько крута, что из долины подъезда на него нет. С другой же стороны протянулась цепь лесистых гор. В одном конце равнины стоит наш Охотничий дом, а недалеко от другого конца проходит проезжая дорога. На дне долины лежит небольшое озеро, сплошь заросшее мертвыми розами ненюфарами. Берега его болотисты, и на закате солнца на нем клубится туман.

– Вот этот-то туман, конечно, и подал, по моему мнению, мысль к созданию всех легенд о долине, – вставил свои слова доктор.

– Не слушайте его, у него нет ни капельки поэзии в душе, – перебил хозяин. – Туман, особенно при свете месяца, принимает образы прекрасных молодых женщин… На голове венок из мертвых роз, а по плечам вьется белое легкое покрывало… Глаза горят, как звезды, а тело светится розоватым оттенком…

– Недурно, – промычал Райт.

– Да, но немного найдется желающих испытать эту любовь. Всякого, кто волей или неволей попадал в полнолуние в Долину ведьм, находили мертвым, а если он и приходил оттуда, то умирал через месяц – в следующее полнолуние. Женщины с озера вместе с поцелуями выпивают его жизнь. Он слабеет, бледнеет и умирает.

– Еще бы не умереть, когда вода в озере стоячая, гнилая, и туман несет бог знает какие ядовитые испарения, – прибавил доктор.

– Смотри, доктор, поплатишься за свое неверие, – смеясь, сказал Гарри.

– Напротив, я вполне верю, что если пьяный зайдет на болото, то он или утонет, или, проспав на сырой земле, схватит лихорадку, а болотные лихорадки шутить не любят.

– А что ты скажешь о ранках, находимых на теле тех, кто умер в долине? Положим, ранки крошечны, едва заметны.

– Ну, это очень просто, укус змеи или пиявки. Ведь ты сам говоришь, что ранки едва заметны.

– Впрочем, что, господа, говорить о том, что было да прошло, – с печальной миной продолжал хозяин. – Вот уже больше тридцати лет никто не погибал в Долине ведьм, и храброму капитану Райту не придется отличиться. Нам остается только жалеть, что мы живем в век, когда нет ни спящих красавиц, ни драконов, ни даже самых простых упырей. И нам остается слушать о чужих подвигах. Еще по стакану вина и внимание! – закончил Гарри.

Библиотекарь надвинул очки и начал:

– Только когда он пришел в себя, нам удалось разжать судорожно сведенные пальцы. В них оказался образок Божьей Матери, который он всегда носил на себе.

15-е

Сегодня Генрих заговорил – сбивчиво, неясно. Но если хорошо обдумать, то, видимо, дело было так: он заблудился, что довольно странно для Генриха, и к ночи попал к озеру Долины ведьм. Чувствуя, как и все простолюдины, страх перед этим местом, он бросился бежать: взобрался на высокую скалу, куда не достигает туман, и решил не спать. Сев на выступ скалы, недалеко от куста боярышника, он, как хороший католик, прочел «Аве Мария» и задумался.

Луна ярко сияла. На озере клубился туман, воздух был прорван серебристыми нитями, и цветы боярышника странно благоухали. «Точно вонзались мне в голову», – говорил Генрих. Было жарко. Небывалая, приятная истома напала на него… Вдруг порыв ветра качнул куст, и ветка ударила его в грудь, в туже минуту он был осыпан белыми лепестками.

«Словно белое покрывало окружило меня», – говорил он. Луна померкла.

Покрывало засветилось, и ясно было видно прекрасное женское лицо, бледное и чудное, с большими зеленоватыми глазами и розовыми губами. «Оно все приближалось – я не мог от него оторвать глаз, – говорил Генрих. – Хотел молиться, но слова путались в голове. Хотел схватить свой образок, но представьте себе мой ужас, – с дрожью прибавляет Генрих, – образка и шнурка не было на мне». «Оно» сорвало его покрывалом! Наконец «оно» прильнуло к моим губам… все зашаталось и пошло кругом… Я потерял сознание», – добавляет он.

Очнулся он от сильной боли в шее. Не успел открыть глаз, как в голову ударил одуряющий запах свежей крови…

«У меня вновь закружилась голова, и я упал», – говорил Генрих, падая, рукой он ухватился за что-то – и дальше он не помнит ничего.

Генрих убежден, что сама Божья Матерь спустилась, чтобы спасти его от вампира. Он уверяет, что видел сияние вокруг ее лица и слышал злобный хохот побежденного дьявола. Ведь то, что, падая, он схватил рукой – был его заветный образок!

16-е

Мне, сельскому учителю, представителю просвещения, не подобает верить в вампиров.

Да, если спокойно разобрать историю Генриха, то все выйдет очень просто.

Он заблудился. Ночь на воскресенье была очень темная. Увидав себя в Долине ведьм, он, как всякий крестьянин нашей деревни, испугался и, вместо того чтобы быстро пересечь долину и идти в деревню, бросился в горы.

Ведь, пересекая долину, надо пройти мимо озера, ну а это было выше его храбрости.

Усевшись на камень, он задремал и все остальное видел во сне. Со сна упал и ударился головой, отчего и потерял сознание: да, это так.

Почему только он слаб?

Фельдшер говорит, что такая слабость бывает от сильной потери крови.

Ран на теле у него нет, и фельдшер предполагает, что просто от жары и волнения у него пошла носом кровь, так как рубашка спереди была в кровавых пятнах. Фельдшера удивляет только то, что, судя по пятнам, крови вышло не так много, а Генрих, такой молодой и здоровый, ослабел столь сильно от сущего пустяка.

17-е

Сегодня я был в Долине ведьм и нашел место, где заснул Генрих. Это было нетрудно: ружье его все еще стояло прислоненным к скале, и шляпа валялась рядом. Сев на камень, я отлично понял, как порывом ветра наклонило боярышник и тот колючкой сорвал шнурок с образка и ею же уколол и шею бедняги. Кстати, и шнурок висел тут же на ветке. Осмотрев подножие камня, я нашел следы колен и рук Генриха. Падая, он рукой нечаянно уперся в оборванный образок и стиснул его пальцами. Если б я нашел признаки, куда полилась кровь из носа, то все было бы ясно. К сожалению, этого я не нашел. Кругом все тихо.

Возвращаясь домой, я увидел под ногами цветок ненюфара. Откуда он?

Немного завядший, но все еще прекрасный. Генрих не говорил, чтобы он срывал его, да он и не подходил к озеру.

Я поднял цветок и принес его домой. Сейчас он стоит передо мной в стакане воды. Как прекрасен! Завялости нет и следа, лепестки прозрачно-белы и точно дышат, а внутри сверкают капли воды, как дорогие камни, нет, как милые глазки… Что это, аромат? Нет, игра воображения, ненюфар, мертвый розан, ничем не пахнет.

Пора спать. Слава Богу, дело с вампирами окончено: все так просто и естественно.

21-е

…Три дня я не брал пера в руки… Такая творилась со мной чепуха.

Обдумав хладнокровно все приключения Генриха, я успокоился и лег спать.

По-видимому, тотчас же заснул…

Сколько прошло времени – не знаю, но мне показалось, что я не сплю.

Комнату наполнял серебристый свет: он переливался и мерцал. Это был не холодный свет луны, а напротив, свет, полный желаний и трепета… Откуда он?.. Он точно родился в моей комнате. Следя за волнами, я увидел, что он идет от

моего письменного стола.

Смотрю, ненюфар уже не плавает беспомощно в стакане воды, а гордо качается на высоком стебле, да это уже не стебель, а стройное женское тело, а на месте цветка чудная головка. Бледное лицо с большими печальными глазами и чуть-чуть розовыми губами, золотистые волосы падают красивыми волнами на грудь.

Фигура тихо качается и с каждым движением растет, приобретая нормальный размер, только тело прозрачно, точно соткано из серебряных нитей.

Вот она двинулась от стола, и комната наполнилась ароматом и неуловимыми звуками. Движения призрачны; фигура словно плывет в воздухе…

Все ближе и ближе; она уже качается около моей кровати, что-то шепчет, но я не могу разобрать слова…

Она склоняется ко мне, я холодею; она хочет припасть ко мне на грудь, но страх придает мне силы; дико вскрикнув, отталкиваю видение…

Раздается грохот и звон разбитого стекла…

В комнату вбегает испуганная Мина, и я вскоре могу разобрать ее ворчание:

– Кричат, столы со сна роняют, и графин разбили, а купили-то его всего как два года, новенький.

Итак, это сон!

Недоверчиво кошусь на письменный стол: там беспомощно увядает бедный ненюфар… Только сон!

Мне стало смешно и стыдно.

22-е

День прошел как всегда.

К ночи мне показалось, что ненюфар ожил.

Улегшись в постель, я взял книгу и начал читать, невольно время от времени посматривая на цветок.

Положительно я не ошибаюсь: он становится нежнее и светлее. Еще немного, и он закачался на высоком стебле. Я сел на кровать. Я не сплю.

И это уже не цветок, а женщина… Опять звенит воздух, опять наполняется ароматом…

Но она не подходит ко мне, а смотрит, смотрит… точно молит о чем-то…

Чего она хочет?

Мне пришло на ум, не душа ли это какой-либо самоубийцы, просящей молитвы за себя.

Призрак застонал и исчез…

Как я заснул – не помню.

23-е

Утро. Ненюфар почти завял.

Что же, опять был сон? Нет и нет!

Целый день меня преследует мысль: что она хотела, о чем просила?

Сегодня я ее спрошу.

Вечером, после ужина, я хотел взглянуть на ненюфар, но его не оказалось на столе. Мина на мой вопрос ответила, что выбросила увядший цветок. Жаль, я привык к нему.

Ночью сон бежал меня. Я ждал.

Но все было тихо. Стол стоял пустой и темный. Воздух был спертый. Я ждал.

Но все напрасно…

Наконец, больше не мог выдержать, встал и открыл окно.

Луна сияла. Далеко по направлению Долины ведьм вился туман, принимая различные очертания. Мне казалось, она там, она ждет меня.

Чего она хочет?

Как я ни всматривался в туман, ее не было. А между тем я ясно чувствовал, что она там и ждет.

Не пойти ли? А если правда, что говорят о Долине ведьм?

Пока я колебался, выглянуло солнце и туман рассеялся, вместе с ним ушли и мои желания и сомнения. Все-таки спрошу у фельдшера нервных капель.

24-е

Был на деревне, сказал, что болит голова, и просил капель.

Фельдшер смеется: «Уж и вам, как Генриху, не снятся ли девы, сотканные из тумана, с ненюфарами в волосах?»

Кстати, Генрих поступает в помощники к церковному сторожу. Он говорит, что не может видеть свежей крови и что должен отмолить свою душу. Его сильно подстрекает старик сторож, да и немудрено, старик страшно дряхл, говорят, ему больше ста лет и он нуждается в молодом помощнике.

Он уверил Генриха, что если вампир попробовал крови человека, то тому очень трудно от него спастись. А в церкви, кроме защиты Божьей Матери, старик

предлагает и свою помощь.

– Я умею возиться с этими паскудами! – утверждает он.

25-е

Пью капли и сплю отлично, не лучшее ли это доказательство, что дело не в вампирах, а в нервах.

И чего я струсил? Надо было посмотреть, что было бы дальше. Все идет своим порядком, только Генрих с усердием кладет поклоны и звонит на колокольне.

Попробовал расспрашивать его. Молчит. Сознался только, что ранка на шее плохо заживает.

– И не заживет, пока она не укусит кого другого, – буркнул старик сторож, слышавший наш разговор.

У старика, видимо, «не все дома», как говорится. Над окнами, над дверями, на подоконниках – всюду нарисованы кресты. Щелки, замочные скважины забиты чесноком; около кровати Генриха висят венки из омелы и цветов чеснока. Сад полон этим же вонючим растением.

На мой вопрос:

– Что это?

– Она не любит! – ответил старик.

Когда же я стал объяснять ему, что наука не признает существование вампиров и что мертвые не встают из гробов, он только покосился на меня и прошамкал:

– Молод еще, поживи с мое!

Мина говорит, что старик знал лучшую жизнь. Он был дядькой одного из молодых графов Дракула и жил в замке. Но семью постигло какое-то несчастье,

которое и свело в могилу почти всех из рода. Замок забросили, и он пришел в упадок. Говорят, есть дальние родственники где-то в Америке, но никто не знает, где они.

– Стойте, – прервал чтение один из молодых людей. – Гарри, да не вы ли этот американский наследник? Я что-то слышал подобное.

– Пожалуй, вы правы, – сказал молодой хозяин, – что дело идет обо мне, вернее, о моем дяде. Дядя со стороны матери оставил мне, умирая, свои хлопчатобумажные плантации и какие-то права на замок и титул. Первое время у меня не было времени думать об этом: наступил кризис в торговле хлопком – надо было спасать доллары. И вот только полгода назад я решил ехать в Европу. Оказалось, что замок и земли существуют, но все страшно запущено. Замок с виду представляет руину, и я даже не был в нем, тем более что не могу получить ввода во владение – не хватает акта похорон двоюродного деда или указания места, где находится его могила. Вот я и просил Карла Ивановича разобрать школьно-церковный архив. Нужной бумаги нет, а он выудил какие-то записки и рассказы о здешних вампирах. По правде говоря, мне некогда было его выслушать, тем более что местный священник все объясняет старинными легендами, а деревенский староста уверяет, что вот уже тридцать лет, как у них в деревне не было ни одного случая убийства или загадочной смерти. Раз только и случилось, что пьяный столяр зарубил свою жену, да и та после этого жила целый год. Зиму, как вы знаете, я провел в Париже. А весной меня и потянуло на охоту. Вот я и предложил вам поехать в мое, хотя еще и не утвержденное, поместье в Карпатских горах. Замок выглядит сумрачно, и я велел пока отделать Охотничий дом.

Карл Иванович забрался сюда раньше и глотает архивную пыль.

– Если б мистер Гарри разрешил посмотреть архив замка, – заявил старый библиотекарь.

– Хорошо, хорошо. Это от вас не уйдет, мы все пойдем осматривать замок. Друзья, по последней сигаре, – предложил хозяин. – Продолжайте, Карл Иванович.

27-е

Ночи стали темнее, сплю хорошо, и нервы совершенно успокоились.

Вчера заходил к Генриху. Он бледен, но, видимо, тоже успокоился. Старик усердно подмалевывает крестики и разводит чеснок.

На мои насмешки по поводу чеснока ответил:

– Эх, связываться с тобой только не хочу, а уж порассказал бы!

Надо подпоить старика, авось развяжет язычок.

28-е

Все идет спокойно и скучно. По ночам запах чеснока из церковного сада проникает даже и в мою комнату.

29-е

Сегодня зашел к нам церковный сторож, принес Мине в чистку какие-то церковные вещи.

Я его зазвал в кабинет и угостил чаем, куда успел влить ложки две рому.

Старика живо развезло, и он начал ораторствовать: говорил о замке, о порядках в нем, о гончих, о прекрасной бедной графине.

– А вот поди ж ты, – развел он руками, – чуть она меня не загрызла!

– Кто, гончая сука? – спрашиваю я.

– Какая там сука, графиня. Умерла это она, а как полнолуние, так и пойдет ходить. Пристанет к кому – известно, погиб человек! Иной тянет месяца два, а иной и сразу ноги протянет. Выпьет у человека жизнь. Много тогда народу из замка разбежалось… А вот однажды идем это мы опушкой, а матерый-то волк и прысь на меня, повалил; я уже Богу душу представил! А она-то, моя голубка

Нетти, красавица, как разъярится да ему, паскуде, в загривок впилась…

– Кто, графиня мертвая? – удивился я.

– Ну тебя, путаешь все только! Гончая Нетти, я сам ее вынянчил; и ни за что пропала собака! В ту ночь и погибла, когда змея укусила молодую графиню. Знаешь, та, с зелеными глазами…

Чем дальше, тем рассказ его путался все больше и больше, и окончательно нельзя было уже отличить, о ком идет речь: о суке Нетти, о графине или о змее. Кто кого укусил и у кого были зеленые глаза.

– Я ее утопил в старом колодце! – с гордостью закончил старик.

Он пошел домой, я его не удерживал. На пороге он оглянулся и, смеясь, спросил:

– Что, помогает?

Глава 3

5-е

Наступило полнолуние. Я тоскую, меня гнетет неведомое желание, кругом какая-то пустота.

Что она хотела, о чем просила?

Каждую ночь, помимо своей воли, я жду ее и прислушиваюсь…

Тихо.

Только противный чесночный запах стоит в комнате. При открытом окне он легче, несмотря на свободный доступ воздуха.

Чего я жду? Сна?.. Видения?..

Днем я совершенно покоен, но к ночи становлюсь раздражительным, не могу найти себе места. Меня тянет куда-то, что-то надо сделать, но все неясно, неопределенно, а потому еще мучительнее. Состояние становится невыносимым.

Завтра пойду и принесу ненюфар.

6-е

Днем я был сам не свой, к вечеру пробрался за деревню, сбежал в долину, к озеру, и сорвал прекрасный ненюфар. Причем по колено попал в болото.

Крадучись, точно вор, принес его в комнату.

Сижу у стола и жду. Ничего! Надо лечь.

Всю ночь не мог спать, ждал и ждал – ничего!

Ненюфар недвижим, и только запах чеснока царит в комнате.

Что делать? Как добиться ее возвращения? Чувствую, она страдает, но как и что?!

11-е

Был на озере несколько раз, но, кроме промоченных ног и испачканных сапог, ничего не добился.

Тоска моя нарастает… она для меня не видение, не призрак, а любимая, желанная…

13-е

Был у Генриха. Старик хитро улыбается. На мой вопрос о суке Нетти довольно обстоятельно объяснил, что у графов в замке была отличная стая гончих, а Нетти была любимицей самой графини и имела привилегию лежать у ее ног.

– Уж не иначе как старый американский дьявол уходил ее, – говорил старик. – С первого же дня она его невзлюбила! Чуяла. Как завидит, ощетинится, оскалит зубы… а в ночь, как захворала графиня, на Нетти смотреть было страшно. Когда я вбежал в комнату, Нетти стоит и трясется, шерсть на ней вся дыбом, изо рта пена, а глаза дикие, зубы щелкают. Некогда было тогда заняться ею, а помню, это я хорошо помню, как открыл я дверь на террасу, Нетти как сумасшедшая бросилась вон и скрылась по направлению старой капеллы… Больше ее и не видели…

– Ты думаешь, что змея укусила Нетти? – спросил я.

– Нет, змея укусила графиню.

– Откуда же взялась змея в замке? – удивился я.

– Из футляра, старый дьявол привез…

Когда я уходил, старик спросил меня: хорошо ли я сплю и перестал ли ходить на озеро.

– Кто тебе сказал, что я был на озере?

– Да где же вы сапоги-то пачкаете, ведь все в тине, не ототрешь. Ничего, будете спать хорошо, – прибавил он и засмеялся.

Придя домой, я все раздумывал, почему старик интересуется, хожу ли я на озеро, и почему он уверен, что я буду спать хорошо.

Раздумывая, я ходил по комнате и нечаянно задел занавес у окна: из-под него что-то скользнуло и упало на пол – поднимаю, и что же!.. Гирлянда засохших цветов и луковиц чеснока! Так вот откуда этот противный запах, а я думал из церковного сада. Не иначе как старик подкинул мне ее.

– Здесь опять перерыв, – сказал старик библиотекарь.

– И отлично. Пора спать, а то половина гостей дремлет, капитан Райт так и похрапывает, – заявил хозяин. – Доброй ночи и побольше прекрасных сновидений.

Все охотно разошлись по комнатам деревенской гостиницы – усталость охотничьего дня давала себя знать.

Глава 4

Утром за чаем веселый хозяин спросил:

– Господа, кого посетили ночью здешние девы? Неужели никого!

– Меня, – робко заявил один молодой человек, скорее мальчик – лет шестнадцати, болезненный, нервный.

– Что, как, расскажите? – посыпались вопросы.

– Она пришла и просила открыть дверь, где она давно томится, и сказала, что берет меня в свои рыцари, – конфузясь, сообщил мальчик.

– Какую дверь, где? – спросил Гарри.

– Не знаю. Она сказала «ищи».

– Ну, конечно, она была с распущенными волосами и с ненюфарами? – смеясь, сказал доктор.

– Совсем нет, – ответил юноша, – я рассмотрел ее хорошо и узнаю из тысячи. У нее темные волосы, и большой черепаховый гребень держит их на затылке.

– Галлюцинация, – пробормотал доктор.

– Лошади готовы! – доложил слуга. Все бросились к ружьям, сумкам, патронташам, и все женщины и вампиры мира были забыты. Охота.

Глава 5

Вечером охотники собрались вместе. Трофей был великолепен, а потому и состояние духа у всех повышенное. После хорошего ужина и многих стаканов вина разговор с охотничьих приключений снова перешел на вурдалаков.

Вытребовали старика библиотекаря и подступили к нему с вопросами, не нашел ли он продолжения дневника учителя.

– Нет, господа, в церкви идут приготовления к празднику Богородицы, а потому ризница и архив подле нее замкнуты. Но если мистер Гарри позволит, то я могу прочесть письма, найденные сегодня в Охотничьем доме. Мы были там с управляющим, и дом, как уже известно, не успели приготовить к сегодняшнему вечеру. Он очень запущен. Даже к завтрашнему будет готова только часть дома: столовая и несколько спален, – говорил библиотекарь. – Убирая одну из спален, управляющий нашел в столе пачку писем и передал мне. Я просмотрел их, мне кажется, что письма эти имеют связь с дневником учителя, и вот если господа пожелают, я их прочту, – предложил Карл Иванович.

– Просим, просим!

– Я предполагаю, – продолжал Карл Иванович, – что это пишет один товарищ другому; место отправления, судя по пометке, Венеция, Италия.

Письма к Альфу

Письмо первое

Милый Альф!

Ты не можешь себе представить, как я счастлив. Мне разрешено, вернее, я могу вернуться на родину, которую оставил семилетним мальчиком. До сих пор для меня тайна, почему я был отослан из родительского дома.

Я много раз тебе рассказывал, как богато и весело жилось в родовом замке отца, но я как-то стеснялся рассказать тебе последние мои впечатления.

Сегодня мне хочется это сделать. Не знаю сам, что побуждает меня к тому.

Начинаю.

Был прекрасный весенний вечер, солнышко еще не закатилось, сад благоухал запахом цветов; все собрались на террасе. Я и малютка Люси, моя сестренка, также присутствовали. Любимая собака мамы лежала около нас.

Вдруг входит слуга и докладывает, что старый чужой господин просит разрешения переговорить с отцом.

На разрешение отца ввести его на террасу явился старый седой господин, одетый в длинное полумонашеское платье. Я заметил, что у него были красноватые глаза и пунцовые губы на бледном лице.

При первых звуках его голоса Нетти, любимая собака матери, вскочила и, ощетинившись, бросилась на него. Она точно хотела вцепиться в его ноги, но страх перед палкой, которую держал незнакомец, заставил ее отступить.

– Поразительно, что с Нетти, – сказала моя мать. – Извините, – обратилась она к незнакомцу, – это первый раз, что Нетти бросается на чужих.

– Петро, выведи собаку, – приказал отец.

Незнакомец, казалось, не обратил никакого внимания на выходку Нетти и с низким поклоном подал отцу большой запечатанный конверт.

Пробежав несколько строк, отец обратился к матери и начал сообщать ей содержание письма. Я, конечно, не понял, да и не все слышал. Дело кончилось тем, что отец и мать предложили посланному сесть и изъявили свое согласие на

его просьбу.

Пропустив первое мимо ушей, незнакомец спросил:

– Когда же позволите привезти гроб?

– Завтра, если хотите, – ответила мать.

Поклонившись, незнакомец удалился.

О чем говорили отец с матерью, я не разобрал; поминали капеллу, деда, старый портрет, но какую все это имело связь, я тогда не понял.

Вчера мне не удалось кончить письма: пришел Сильвио и уговорил прокатиться на Лидо. Вечер был чудесный. Гондола наша тихо скользила по воде. Отблеск заходившего солнца золотил облака. Кругом нас раздавались пение и музыка с соседних гондол.

Я, настроенный на воспоминание о прошлом, думал о моей матери и ее преждевременной кончине. Она умерла, когда я уже был в Нюрнберге. Как прекрасна она была и как быстро увяла. До сих пор я не знаю болезни, что свела ее в могилу. На мои вопросы отец не отвечал, так же, как не объяснил мне причины, почему я был отослан из замка. «Это желание твоей матери».

Но почему? Она так любила меня!

Я ясно представлял себе мою мать: высокая, стройная, с тяжелыми русыми косами. Голубые глаза любовно и нежно смотрят на меня… Я точно чувствую их… и что же… два глаза смотрят на меня, но это не голубые глаза матери, а жгучие, черные.

Они промелькнули и исчезли… а я не могу их забыть!.. Мне необходимо их еще раз видеть!..

Пока прощай.

Твой Д.

Письмо второе

Милый Альф.

Вот уже две недели, как я не писал тебе. Представь, я даже не заметил, что прошло так много времени!.. Ты простишь мне, если я скажу, что счастлив, безмерно счастлив!!

Я нашел ее, то есть нашел обладательницу тех черных глаз, что смотрели на меня на Лидо. Глаза эти при свете солнца еще прекраснее. Да и вся она хороша! Возьми описание красавиц Венеции, и ты будешь иметь понятие, но думай не о ней, а только о ее тени…

Она знатного рода, но сирота и небогата. Живет под присмотром своей кормилицы; вот все, что пока я о ней знаю.

Я уже тебе сообщал, что мое невольное изгнание с родины кончилось и я могу вернуться в родительский дом.

Возвращение мое невесело, так как возможность вернуться я получил только благодаря смерти отца.

Много лет я уже не имел известий из родного дома. Отец, под угрозой его проклятий, запретил мне самовольно явиться в замок: «Когда придет время, я позову тебя».

И вот старый слуга пишет, что отец скоропостижно скончался от разрыва сердца, как определил врач.

Петро был моим дядькой и отвозил меня в Нюрнберг. Он просил прислать нотариуса для продажи замка и прибавляет, что это желание отца. О моем возвращении он не говорит ни слова. Точно этого и быть не может…

Нет и нет! Я еду домой, хотя бы это стоило мне жизни! Я хочу наконец знать тайну, что окружает смерть матери.

Да и сказать ли тебе, я мечтаю, что поеду туда не один…

Прощай!

Твой Д.

Письмо третье

Милый Альф!

Может ли кто-либо быть несчастнее меня? С семи лет у меня не было матери, и я не знал ее забот и ласк; не было родины; никто меня не любил; ты скажешь, что я жил в довольстве, окруженный достатком. Да, но это не то! Я все же чужой; вот и она прошла вчера мимо меня и даже не взглянула! А я знаю, знаю, что она видела, знала, что я стою за колонной и жду ее взгляда. А прошла мимо. Несчастный я, ты можешь плакать на могиле матери, а я… Еду, еду домой!

Ты спрашиваешь, о каком гробе я писал тебе, да о гробе дедушки, который слуга привез из Америки. Отчего дед был в Америке и что с ним там было – сказать тебе не сумею. Есть какое-то предание, но детская моя память его не удержала. Знаю одно, что дед завещал перевезти себя в родовой замок из страны ацтеков.

– Как ацтеков? – вскричал молодой хозяин. – Ведь и я из страны ацтеков, я потомок их.

– Быть может, это и есть тот самый родственник, документов о погребении которого недостает, чтобы быть введенным в права наследства, – сказал доктор.

– Жаль, что нет здесь нашего нотариуса. Но дальше, дальше, – торопил Гарри.

На другой день, – опять читал Карл Иванович, – после посещения старика с красными глазами перед вечером в ворота нашего замка въехали дроги, а на них

большой черный гроб.

Отец и мать весь день были заняты хлопотами к его принятию.

Открыли двери склепа, что из капеллы. Капеллу всю убрали зеленью и свечами, решили пригласить священника. Склеп также очистили от пыли и паутины, и на одном из запасных каменных гробов отец приказал высечь надпись с пометкой «Привезен из Америки».

Долго ожидали старика, и только к вечеру он явился со своей печальной кладью.

Гроб оказался страшно тяжел.

Старик с красными глазами выразил сомнение, пройдет ли гроб по узкой и крутой лестнице, что вела из капеллы в склеп.

– Не лучше ли открыть западные двери склепа, выходящие в сад? – сказал он.

– Откуда вы можете все это знать? – удивился отец.

– По рассказам графа, – сумрачно ответил старик.

Пришлось отказаться от внесения тела в капеллу и от похоронной службы, что очень огорчило мою мать.

Наскоро открыли западные двери склепа и через них внесли гроб и опустили в назначенное место.

Когда хотели снова замкнуть двери замком, который изображал крест и, по словам стариков слуг, был прислан самим Папою из Рима, не оказалось ключа.

Поднялись суматоха и спор – кто держал ключ, но ключ не находился.

Красноглазый старик попросил у отца разрешения поселиться в развалившейся сторожке, близ дверей склепа, обещая их охранять, как собака.

– Да ведь сторожка непригодна для жилья, – сказал отец.

– Ничего, я ее поправлю, а для меня только и осталось на свете, что посещать могилу моего господина.

– В таком случае – хорошо.

Старик низко поклонился и, вынув из кармана большой темный футляр, подошел к моей матери.

– По словесному приказанию моего умершего господина, графа, на память о нем, – сказал он, передавая футляр.

На нежно-голубом бархате лежало чудное колье из жемчуга. Застежкой к нему служила голова змеи художественной работы, с двумя большими зелеными глазами. Изумруды, их изображавшие, были большой стоимости и как-то загадочно мерцали.

Все колье было особенно и стоило немало денег, конечно.

Вдруг Гарри прервал чтение.

– Не знаю, известно ли вам, что на груди у Вицли-Пуцли было ожерелье из жемчуга, вернее из жемчужной змеи с зелеными глазами, и оно имело какую-то таинственную силу. Ожерелье пропало, когда испанцы разорили храм Вицли-Пуцли.

Подождав минуту, но видя, что Гарри молчит, Карл Иванович продолжал:

Мать взглянула на отца, тот утвердительно кивнул головою.

Мать приняла подарок. Лучше бы она отказалась от него!..

Но прощай, «она» послала за мной… о, я счастливейший из людей!

Д.

Письмо четвертое

Альф, милый Альф, дорогой Альф, она меня любит, любит… мы объяснились!

Она меня любит. Это нарочно она прошла мимо. Ей хотелось, чтобы я пошел за ней. Как я счастлив! «Она» и родина, что нужно еще человеку?

Прощай. Бегу за розами.

Д.

Письмо пятое и письмо шестое

Как я уже писал тебе, все шло по-старому, и если смерть дочери садовника и огорчила мать, но все же она была совершенно здорова.

– Какая смерть, когда? – раздались вопросы.

– Видимо, пропущено одно письмо, – ответил Карл Иванович.

– Ну, дальше, – сказал хозяин.

…совершенно здорова, вплоть до роковой ночи.

Происшествия этой ночи крепко врезались мне в память, хотя до сих пор во многом они для меня загадочны.

Люси и я, мы спали через комнату от матери, под надзором Катерины.

Среди ночи меня разбудил страшный крик: откуда он, я не знал. Сев на кровати, я стал слушать: в доме была суматоха, хлопали двери, слышались шаги и голоса.

Окликнув Катерину, я убедился, что ее нет в комнате. На меня напал страх.

Босиком, в одной рубашке, я бросился в спальню матери. Там было много народа.

Мать лежала без чувств на высоко приподнятых подушках, бледная, как ее белые наволочки и ночная кофта. На груди, на белом полотне, я заметил кровавые пятна. Отец наклонился над больной, а старый наш доктор вливал ей лекарство в рот.

Кругом толпились испуганные слуги.

Через несколько минут мать очнулась и боязливо осмотрела комнату.

– Фред и, это ты, Фред и, ты прогнал его?

– Кого его, моя дорогая?

– Его, дедушку, не пускай его, не пускай!

– Успокойся, милая, никого нет, дедушка умер, а ты видела сон.

– Сон, да, сон, но как ясно, – пробормотала мать.

– Нет, это не сон!.. – снова заговорила она. – Правда, я уснула, но вдруг почувствовала, что кто-то вошел в комнату, лампада перед образом зашипела и погасла… Нет. Быть может, она и раньше погасла, а это шипела змея. Не знаю… В комнате был полумрак, – продолжала больная после короткого перерыва, – но я ясно узнала его, деда. То же бархатное платье и золотая цепь, а главное, те же злые глаза, чуть-чуть отливающие кровью. Горбатый нос и сухие губы. Это был он и не он!

– Полно, успокойся, – прервал ее отец.

– Нет, слушай. Он наклонился ко мне. «Почему ты не хочешь носить моего подарка? – тихо спросил он. – Попробуй». – В руках его было ожерелье с головою змеи. Он надел его на меня, целуя в губы. – При этих словах мать вытерла рот. –

Губы были холодные, точно лягушки, и от него скверно пахло: гнилью, сыростью… Вместо ожерелья на моей шее висела змея, которая тотчас же меня и укусила… Тут я потеряла сознание и ничего не помню… – закончила мать.

– Где же змея, мама? – не вытерпел я. Сразу же две хорошо знакомые руки подхватили меня и быстро унесли из комнаты.

– Где это видано, бегать ночью босиком, – ворчала Катерина.

– Да где же змея, няня? – не унимался я.

– Какая змея там, барыня видела сон и закричала.

– А кровь на кофте, ведь я видел кровь!

– Ну, это не знаю. Надо спросить доктора. Да спи ты, спи, – ворчала няня, укрывая меня.

На другое утро солнце так ярко светило в нашу комнату, Люси так звонко смеялась и болтала, что я совершенно забыл и о ночном страхе, и о змее.

Когда мы были готовы, Катерина, как всегда, повела нас здороваться с родителями. При входе в столовую она просила нас не очень шуметь, так как мамаша не совсем здорова.

На кушетке, обложенная подушками, полулежала наша мать. Даже мой детский взгляд заметил, как она побледнела и осунулась за ночь.

Почти не обратив на нас внимания, она обратилась к лакею:

– Где же Нетти, почему вы не приведете ее сюда? Вот уже полчаса, как я ее жду.

– Нетти нет дома, – отвечал заикаясь лакей, – все утро мы ищем ее и не знаем, куда она делась.

– Но где же она, что это значит? – волновалась мать.

Лакей молчал.

– Разыщите, узнайте, кто видел ее последним, – распорядилась мать.

Лакей выптел.

Отсутствие собаки удивило и меня; я так привык ее видеть у ног матери, но все же судьба змеи интересовала меня больше, и с несдержанностью избалованного ребенка я спросил:

– Мама, ты нашла змею?

В ту же минуту отец сердито дернул меня за руку и прошептал:

– Молчи.

С недоумением я посмотрел на него и на мать. Брови отца были грозно сдвинуты, а мать с легким стоном откинулась на подушки.

Прежде чем я опомнился, отец спокойным тоном спросил меня, не хочу ли я верхом съездить в деревню, что давно было уже мне обещано.

Удовольствие верховой поездки заслонило все. С криком радости я бросился на шею отца.

– Прикажи оседлать тебе Каряго и пусть едет провожать Петро. Когда лошади будут готовы, зайдите сказать, я дам Петро поручение.

– Да, только поезжай осторожно, не скачи, особенно под гору, – кончил отец.

Через час мы уже выезжали из ворот замка. Пропуская нас, привратник просил Петро узнать, нет ли в деревне Нетти.

– До сих пор мы не можем ее найти, а барыня изволят сердиться.

Петро проворчал что-то вроде «старого дьявола», и мы осторожно начали спускаться под гору.

Я устал, Альф, до завтра.

Твой Д.

Письмо седьмое

Воспоминания, как рои потревоженных пчел, осаждают меня, и мне остается одно – писать и писать.

Итак, мы отправились с Петро в деревню.

Петро, старый слуга нашего дома, обожал отца и меня, да и вообще любил всю нашу семью. Это был добрый веселый старик, всегда готовый помогать мне во всех шалостях – достать ли птичье гнездо, смастерить ли удочку, принести ли живого зайца… В Петро я всегда находил усердного помощника.

Но за последнее время Петро очень переменился: его уже не интересовали больше ни наши зайцы, ни ловля рыбы, ни даже молодой ворон с перебитым крылом, что подарил мне кучер.

Петро молчал по целым часам, и только глаза его страшно бегали и как-то загорались злобой, когда он хотя издали видел проходившего старого слугу графа, привезшего гроб.

Он что-то бормотал, и слова «старый дьявол» частенько срывались с его губ.

Вся дворня знала ненависть старика к приезжему американцу, и всех это удивляло, так как добрее и обходительнее, чем Петро, не было человека в замке.

Чем вызвал американец к себе ненависть – трудно сказать. Он был так тих и так непритязателен. Все время он проводил или в своей сторожке, которую исправил, или в склепе, у гроба своего господина. Реже он тихо бродил в той

части сада, где было его жилье.

Ни в людской, ни в кухне он никогда не появлялся. От общего содержания он тоже отказался.

– Мой господин оставил мне достаточно, чтобы не умереть с голода, – объяснил он отцу.

Кое-кто из наших привилегированных слуг думали свести знакомство с новым жильцом; но живо отстали, обиженные его гордыми и холодными ответами.

Отказ от общего стола тоже задел самолюбие многих, а над выражением «не умру с голоду» слышались шутки.

– Ишь ты, приехал сухой да серый, а теперь так растолстел, что в дверь не войдет, да и губы красные, что твоя кровь! – смеялась Марина, молодая веселая поломойка.

– Не верещи! – крикнул на нее Петро. – Вот заест тебя, еще не так потолстеет.

– Подавится, – заливалась смехом Марина.

Пока довольно, Альф.

Ты спросишь, какие дела с Ритой? Великолепно. Бросая перо, я сбрасываю и все прошлое и принадлежу только моей чудесной невесте.

Иногда мне приходит на ум – время ли теперь заниматься воспоминаниями, не лучше ли наслаждаться настоящим?

Но в тиши ночи, после горячих поцелуев меня тянет к воспоминаниям, а следовательно, и к перу. Что это? Видимо, за долгую жизнь изгнанника назрела потребность высказаться… и даже сама любовь не в силах заглушить ее.

Итак, до следующего раза. Завтра иду отыскивать подарок, достойный моей милой.

Д.

– Господа, я продолжаю разговор о снах, – сказал хозяин, как только Карл Иванович прервал чтение.

– Что! Спать! Рано еще, – раздались голоса.

– Ну, кто как, а я ухожу, – встал первый капитан Райт. – Сегодня так и не добрались до Охотничьего дома, а все эти ваши чтения. По правде говоря, и разобрать-то в них ничего нельзя.

Молодежи только и осталось, как покориться решению старших.

Библиотекарь аккуратно сложил старые, пожелтевшие листки и, поклонившись, вышел из комнаты.

– Завтра в Охотничьем доме, – кричали ему вслед.

– Хорошо.

Охотничий дом

Назавтра за час до захода солнца вся компания собралась у Охотничьего дома.

На высокой башне развевался флаг свободной Америки (голубое поле с серебряными звездами) – это была лесть владетельному американцу.

Дом был невелик, странной архитектуры; видимо, его построили не сразу, а надстраивали и пристраивали понемногу. Стены из серого камня облупились, выветрились, но все это скрадывали сильно разросшийся дикий хмель и вьющиеся розы. Окна нижнего этажа до половины были закрыты боярышником и жасмином. И вообще растительность, никем не сдерживаемая, цвела во всей красе, часто являясь почти непроходимой. У крыльца общество было встречено управляющим Смитом и его помощником, местным уроженцем Миллером.

Из довольно темной прихожей с допотопными колоннами гости прошли в ярко освещенную столовую.

Комната, большая, но узкая, видимо, всегда имела свое теперешнее назначение: большой камин, несколько встроенных в стену шкафов, украшения из рогов и голов убитых зверей подтверждали это предположение. Охотничьи картины своей аляповатостью ясно говорили о своем местном происхождении и невольно наводили на мысль, что изображенные на них сцены взяты из жизни владельцев.

Вот седой старик наступил на голову убитого медведя. Рядом картина, изображающая прекрасную породистую собаку, впившуюся зубами в загривок волка. Ноги хищного животного упираются в лежащего на земле человека: судя по одежде – егеря. Молодой человек в бархатном плаще держит наготове ружье, чтобы прийти на помощь собаке. А вот у ног прекрасной охотницы лежит благородный олень.

Когда-то дорогие, тисненные золотом обои отстали и потемнели, но хитрый янки самые плохие места закрыл флагами в честь гостей, а так как гости были разной национальности, то флаги своей пестротой напоминали ярмарочные палатки. На стене против камина висел красивый бархатный ковер, усиливая пестроту комнаты. Мебель была тяжелая, орехового дерева.

Слуги торопливо бегали, приготовляя ужин. В ожидании его хозяин предложил осмотреть дом. Все охотно согласились.

Из столовой вел узкий с несколькими поворотами коридор. В конце его было круглое окно с разноцветными стеклами, часть стекол была выбита и заменена белыми. При таком скудном освещении даже днем коридор был темен.

По коридору шли небольшие комнаты, видимо спальни. Каждая имела одну или две кровати. Кровати были все старинные, деревянные, но с новыми тюфяками, набитыми свежим сеном.

На одном из поворотов управляющий открыл дверь в сторону, противоположную той, куда выходили окна спален.

Общество весело вошло в открытую дверь. Новая комната была большая, с широкими окнами, смотревшими на озеро. Обстановка здесь отличалась

богатством и роскошью. Высокая резная кровать под парчовым балдахином, с золотыми амурами в головах, конечно, не могла служить ложем для мужчины; да и остальная меблировка напоминала о прекрасной избалованной женщине.

Изящный туалет с дорогим венецианским стеклом, шкапики, этажерки, столики – все это могло удовлетворить самую прихотливую красавицу.

– Э, Гарри, да мы никак попали в замок фей! – вскричал всегда спокойный Райт.

Все с интересом принялись осматривать комнату.

– Да, несомненно, это жилище женщины, смотрите, – сказал доктор, открывая один из столиков.

Там, прикрытые легким слоем пыли, лежали принадлежности дамского рукоделия: шелка, еще сохранившие свой яркий цвет, шерсть, немного истлевшая, а особенно много бисера и мелкого жемчуга. Крошечный золотой наперсток со вставленным опалом, красивые ножницы, иголки и все прочее, без чего не может обойтись женщина.

– Мы ничего здесь не трогали, – как бы извиняясь, сказал управляющий, посматривая на пыль.

– Отлично сделали, – ответил хозяин. – Осмотр жилища феи доставит удовольствие мне и моим друзьям.

И в подтверждение своих слов он открыл дверцу одной из шифоньерок.

Тонкий аромат лаванды наполнил комнату. На полках лежало прекрасное белье, отделанное настоящими кружевами; вороха лент, бантов, цветов. Тут же стоял и изящные маленькие туфельки.

– А вот и ларец с драгоценностями, – указал доктор на довольно большую шкатулку. Шкатулка неоспоримо японской работы была украшена золотом и перламутром.

– Посмотрим, что прятала в нем красавица, – прибавил Гарри, беря ящик в руки.

Но все старания открыть крышку ни к чему не привели. Ларец имел свой секрет! А что он не был пуст, доказывала его тяжесть.

– Придется оставить до другого раза, – сказал Гарри, ставя на прежнее место и закрывая шкаф.

– Идите сюда, это стоит посмотреть! – раздался голос Райта.

Он стоял на балконе, колонны и перила которого заплел хмель, спелые шишки с сильным запахом свешивались целыми гирляндами.

Все столпились на балконе. Зрелище в самом деле было чудесное!

Последние лучи солнца скользили по долине. От озера поднимался туман и, пронизанный лучами, отливал то нежно-розовым, то золотистым. А там, где туман несколько расходился, проглядывала голубая вода и зеленый берег.

Слева была рамка из темной зелени сосен, а справа поднималась мрачная скала, увенчанная угрюмым замком.

– Недурно… Чудесно… Восхитительно, – слышалось со всех сторон.

– Ну, теперь еще больше, чем прежде, я отказываюсь здесь видеть злых дев с гусиными лапами[1 - Идущее из раннего средневековья представление о черте предполагает у него и у других демонических существ наличие черт животных – конскую голову, гусиные лапы, птичий клюв. – Fed.], – громко заявил доктор.

– Это и понятно, все вампиры при заходе и восходе солнца прикованы к своим гробам, – сказал старик немец, староста деревни, приглашенный хозяином на ужин из любезности за разрешение осмотреть школьно-церковный архив.

Вдруг в комнате раздался раздраженный голос хозяина.

– Вы с ума сошли, Смит, если воображаете, что я соглашусь спать на старых тюфяках, да еще под пыльными занавесями. Нет и нет. Свежее сено и отсутствие тряпок.

– Извините, мистер, но я полагал, что это лучшая комната в доме, – отвечал сконфуженный управляющий.

– Ну а теперь прикажите снести мои вещи в одну из маленьких спален.

Управляющий и его помощник Миллер начали быстро переговариваться и, видимо, были в большом затруднении.

– В чем еще дело? – спросил хозяин.

– Мы не знаем, как быть, кому из господ предложить эту комнату, так как число кроватей заготовлено по числу гостей, – с низким поклоном сказал Миллер.

– В наказание за вашу непредусмотрительность ложитесь сами в это пыльное гнездо, – смеясь, ответил Гарри.

– Я, мне… спать… остаться… – бормотал бледный как полотно растерявшийся помощник. – Нет, я не могу… Пощадите!..

– Да что с вами? Говорите толком.

– Да ведь здесь жила невеста, здесь она и умерла, и люди на деревне болтают, что она ходит здесь, стонет и плачет по ночам, – говорил, боязливо оглядываясь, Миллер.

– Ну, господа, дело дошло уже до привидений. Жаль, я не знал этого раньше, непременно бы поселился в этой комнате. Но мое правило – не брать назад раз отданного приказания. Кто желает свести знакомство с невестой с того света? Не ты ли, Райт? – предложил, улыбаясь, Гарри.

– Что же, я не прочь, если мне дадут стакан рома и десяток сигар.

– При десятке сигар, да еще с примесью опиума, как ты любишь, ручаюсь, ты увидишь не только невесту-привидение, но белого слона и зеленого змея, – пробормотал доктор.

– Итак, решено, капитан Райт ночует здесь. Показывайте дальше, Смит.

– Но, мистер, это все.

– Как все? Дом выглядит гораздо больше.

– Я хочу сказать: все, нами приготовленное; другую половину, быть может, даже бо?льшую, мы почти и не осматривали.

– Все равно, проведите нас туда.

– Вам придется идти через сад, так как два хода из этой половины мы заколотили и завесили коврами.

Все шумно прошли через столовую, прихожую и вышли на крыльцо.

Глава 6

Солнце закатилось, и начало быстро темнеть.

Пройдя густо разросшийся сад, все подошли к большой крытой веранде.

Управляющий открыл дверь, из нее пахнуло плесенью и затхлостью, как из нежилого помещения.

Было темно. Пришлось позвать лакеев со свечами. Первая комната не представляла интереса, да и трудно было определить ее назначение: сюда поставили лишние вещи и мебель из приготовленных уже комнат, и она походила на лавку старьевщика. Тут же, прислоненный к окну, стоял большой письменный стол с подогнувшейся ножкой.

– Карл Иванович из этого стола взял пачку писем, – указал на стол управляющий, – но там еще есть бумаги.

– Не трогайте их до Карла Ивановича, – приказал Гарри.

Двинулись дальше.

Комнаты ничем особенным не выделялись, но были выдержаны в одном стиле. Там, где мебель была черная, там и рамы картин были черные. Комнаты, отделанные дубом, имели и мебель дубовую. Все массивное и мрачное.

В одном из помещений обратил на себя общее внимание портрет. В темной обстановке богатая золотая рама невольно бросалась в глаза. Казалось, что портрет этот попал сюда случайно, тем более и висел-то он как-то сбоку, около двери. Чувствовалось, что его повесили наскоро, на первое попавшееся место.

По желанию Гарри портрет хорошо осветили. Высокий сухой старик в богатом бархатном платье, с золотой цепью на шее и в высокой, того времени, шляпе гордо глядел из рамы. Большой нос и тонкие губы говорили о породе и злом характере, глаза…

– Э, да он в самом деле смотрит! – вскричал один из юношей.

При неверном, мигающем свете свечей глаза блестели злобным красноватым отливом. Все согласились, что живопись великолепна. Глаза жили.

Доктор, большой любитель старинной живописи, заходил то с одной, то с другой стороны, очень живо выражая свое восхищение. При одном из поворотов он нечаянно толкнул старосту деревни, а тот, чтобы не упасть, сильно оперся рукой о стену. В ту же минуту он с криком полетел в темное пространство.

Портрет был забыт. Все бросились на помощь старику.

Оказалось, что староста, думая опереться на крепкую стену, оперся на потайную дверь. Дверь сдала, и старик упал.

К счастью, он отделался только испугом. Все с большим интересом вошли в новую комнату, так неожиданно открытую.

Управляющий и его помощник уверяли, что не видели этой комнаты при осмотре дома. Им можно было легко поверить, так как комната имела совершенно иной характер и заметить ее было невозможно.

По своим большим венецианским окнам, по изяществу и дороговизне обстановки она подходила к спальне невесты-привидения.

Если б не слой пыли, можно было бы думать, что комната не так давно оставлена своей обитательницей.

На столах лежали книги, гравюры, какое-то женское рукоделие. Около кушетки, стоявшей почти посредине комнаты, на изящном столике в дорогой серебряной вазе – увядший букет полевых цветов. В головах кушетки – шелковая подушка, еще сохранившая следы женской головки, покоившейся на ней. Рядом стул с брошенной на него лютней.

Подойдя ближе, доктор на что-то наступил. Это что-то оказалось небольшой книгой в черном переплете и с золотым обрезом.

Католический молитвенник! На заглавном листе красивым женским почерком, но, видимо, слабеющей рукой, написано: «Помолитесь о несчастной!»

В ногах кушетки прекрасная плюшевая дамская накидка ярко-пунцового цвета и несколько засохших розанов.

После того как доктор прочел просьбу умершей: «Помолитесь о несчастной!», смех и разговоры смолкли, все сдерживались, точно труп был тут же, в комнате.

Этому чувству способствовала никем не нарушенная обстановка помещения.

Даже стакан и графин с открытой пробкой свидетельствовали, что комнату оставили неожиданно.

Видимо, какое-то большое несчастье выгнало ее обитателей, а раз ушедши, никто уже не вернулся.

Такое предположение еще более подтвердилось видом птичьей клетки. На дне за раззолоченными прутьями лежал полуистлевший скелет птички. Бедняга погибла от голода: в кормушке в виде раковины ни одного зерна.

Было тихо, свечи тускло горели, а белые кружевные занавесы на окнах, выглядывая из-под тяжелых шелковых портьер, казались крыльями улетевших ангелов.

– Черт возьми, Гарри, да это точь-в-точь из спящей красавицы, только где она сама, чтобы ты мог разбудить ее поцелуем, – не выдержал наконец Райт.

Очарование было снято: зашумели, заговорили; посыпались догадки, предположения.

Управляющий, подойдя к последнему окну и раздвинув портьеры, увидел, что это дверь. Она оказалась запертой, но ключ торчал в замке.

С неприятным скрипом, точно со стоном, замок поддался, и дверь открылась.

Ночной свежий воздух ворвался в комнату. Свечи замигали, занавесы и сухой букет задвигались, точно дух усопшей ворвался в комнату, озлобленный нарушением покоя.

– Так я и думал, эта комната примыкает к большой дамской спальне, – заявил Смит. – Отсюда это нетрудно определить: эта сторона дома выходит к замковой горе и вида на далекое озеро отсюда нет, а за углом будет большой балкон.

Гарри убедился, что Смит прав. Балкон, на который он сейчас вышел, был крошечный, словно гнездо ласточки.

Тотчас же нашли и дверь, ведущую в спальню; ее не заметили сразу только потому, что она представляла художественное произведение и могла быть принята за картину. Дверь не была заперта, но тем не менее открыть ее не могли.

– Да это потому, что с той стороны стоит тяжелый шифоньер, тот самый, в котором мы видели столько вещей. Недаром мне показалось, что он стоит как-то не у места: занимает лучший простенок, тогда как его место скорее в углу, – сказал Гарри. – Завтра это разберем, а теперь ужинать. Все эти новости прибавили мне аппетита.

Все повиновались хозяину и пошли обратно. Возвращаться пришлось через сад.

Глава 7

Усталость охотничьего дня и новые впечатления от осмотра старинных комнат заставили компанию весело и с наслаждением приняться за роскошный ужин и дорогие вина.

Вначале все были заняты закусками, заливными, паштетами, и только утолив голод, а тем более жажду, начали разговаривать. Против обычая, об охоте не было и речи, а весь разговор вертелся вокруг таинственных комнат и их обитателей. Слышались разные мнения: одни предполагали, что обитательница комнат умерла, вернее, погибла внезапно; другие, что она была похищена, но все сходились на том, что в таинственных комнатах произошла трагедия.

Также очень занимал вопрос, почему в таком специальном здании, как Охотничий дом, оказались жилые покои, да еще прекрасной молодой женщины. В том, что она была молода и прекрасна, как-то никто не сомневался. Это казалось очевидным!

– Эта дама была из чужой земли, – вмешался староста.

– А вы как это знаете? Кто вам сказал?

– Моя бабушка говорила, что заморская красавица умерла от тоски по родине. Что она была очень красива, но не нашей веры и умерла без покаяния, оттого ее душа и бродит по дому, не знает покоя и просит молитв своему Богу.

– Но отчего она жила здесь, а не в городе или не в замке?

– Этого бабушка не говорила.

– Карл Иванович, быть может, вы можете что-либо сказать на этот счет? Вы разбирали сегодня церковный архив?

Оба управляющих и Карл Иванович сидели на дальнем конце стола и не вмешивались в разговоры почетных гостей.

– Нет, мистер Гарри, ризница еще закрыта и только завтра я получу от нее ключ.

– Это верно, – подтвердил и староста.

– Вот, если вам угодно, то я приготовил к чтению письма, – предложил Карл Иванович.

– Да, да, пожалуйста! – вскричала молодежь.

– Вина и сигар, – распорядился лакеям хозяин.

Когда приказание было исполнено, слушатели разместились поудобнее и закурили. Карл Иванович начал.

Письмо восьмое

Извини, Альф, что после последнего письма я сделал такой большой перерыв.

Все эти дни я был сильно занят, так как искал подарок, достойный моей милой невесты. Ты, конечно, думаешь, что это нетрудно сделать в таком городе, как Венеция. Да, найти возможно, и я нашел.

Один старый еврей, торговец старинными вещами, предложил мне шкатулку, по его словам, принадлежавшую какой-то римской императрице. Он клянется богом Адонаем в верности своих слов. Это, понятно, не важно, но вещь правда из ряда вон выходящая…

Уже сама шкатулка – чудо искусства. Ее перламутровые цветы и золотые птицы напоминают что-то сказочное. Наружного замка нет, а внутренние застежки делают честь своему изобретателю.

На крышке с левой стороны есть птица, готовая схватить яблоко. Нужно вдвинуть это яблоко ей в клюв, и застежки откроются.

В шкатулке несколько отделений, и все они заполнены дамскими украшениями. Почти все великолепной старинной работы, но главную красоту представляет большой черепаховый гребень, украшенный золотом и желтым жемчугом. Как бы он был красив в черных кудрях Риты!

Хороша еще булавка из розового сердолика с острым золотым концом, но что рассказывать! Купить этого сокровища я не мог… Средства, посылаемые из дома, были большие для одинокого студента, а теперь я чувствую всю их мизерность.

Вместо подарка императрицы пришлось купить тряпки: кружева, материи, ленты и так далее.

Рита, когда открыли сундуки, была в неописуемом восторге. Она то разбирала вещи, то примеряла на себя, то бросалась мне на шею, мечтала сшить себе такие платья, как видала на старинных портретах в галерее.

Восхищение Риты радовало меня, но все же я был забыт ради атласа и бархата!

«О, женщины, ничтожество вам имя», – сказал поэт.

Мне ничего не оставалось, как проститься и пораньше идти домой.

А потому займусь окончанием моих воспоминаний.

Итак, до сих пор, если не считать ночного припадка матери и исчезновения собаки, все было просто и естественно.

Теперь же наступает какой-то сумбур. Но слушай.

Жизнь в замке течет мирно. Мать почти совершенно оправилась, только боится еще оставаться одна. Первые ночи после припадка в ногах ее кровати всю ночь сидел отец, теперь его место заняла старая Пепа. Пепа с давних пор занимает должность экономки в нашем замке.

Днем мать также не остается одна: отец, мы – дети, старик доктор и посетители не дают ей время задумываться. После обеда она выходит на площадку в саду и там ложится на кушетку.

Площадка – это лучшее место в нашем саду. Она находится над обрывом, и вид с нее превосходный, от людских глаз и заходящего солнца она защищена непроницаемой стеной зеленого душистого хмеля.

Тут же мы с Люси играем в разбойников и строим песчаные пирамиды. Мать порозовела, но прежняя живость все еще к ней не вернулась. Она по большей части лежит тихо, устремив глаза вдаль.

Первые дни она скучала о Нетти, судьба которой так и осталась неизвестна, но взять другую собаку мать наотрез отказалась.

Играя с Люси в разбойников, я спрятался в хмеле и слышал часть разговора отца с доктором, конечно, относившуюся к ночному приключению.

– …У малокровных, а тем более нервных людей это часто бывает, – говорил врач, – наверное, положила футляр на ночной столик и ночью, не отдавая себе отчета, вздумала надеть ожерелье и, конечно, со сна сильно уколола шею острой застежкой, а уже от боли явилась галлюцинация змеи и все прочее. Единственное, что меня беспокоит в этом случае, это то, что ранки заживают с большим трудом, – прибавил задумчиво доктор.

– Все это так, доктор, но как попало ожерелье в постель? Мы нашли его на складках одеяла.

– Да говорю вам, она сама его надела!

– Так-то оно так, только странно, футляр оказался на туалете в соседней комнате… – Доктор замолчал.

– Теперь я принял меры, – продолжал отец, – она не увидит больше ожерелья, я запер его к себе в бюро.

– Поймала, поймала, – лепетала Люси, таща меня из хмеля.

Насколько у нас на горе было тихо, настолько в долине в деревне нарастала тревога. Там появилась какая-то невиданная эпидемия, которая уносила молодых девушек и девочек.

Не проходило недели, чтобы смерть не брала одну или даже две жертвы. Все они умирали скоропостижно. Накануне веселые, жизнерадостные, наутро были холодными трупами. Наружных признаков насилия не было, и трупы не вскрывали.

Вначале на случаи смерти не обращали внимания, но частая повторяемость при одинаковых условиях взволновала умы. Всюду затеплились лампадки и загорались ночники, а те, у кого были девочки-подростки, ложились спать в их комнатах или же девочек клали с собою в кровать.

Болезнь приутихла, точно испугалась. Но вот пропала дочка старосты, девочка лет тринадцати, поднялась тревога. Подруги сказали, что она пошла в соседнее поле за васильками. Бросились туда и у самой межи нашли труп ребенка. Васильки были еще зажаты в ее ручке. Лицо было испуганное, а на шее заметили две небольшие ранки. По просьбе отца труп также не вскрывали.

Дня через три погибла дочь зажиточного крестьянина. Веселая восьмилетняя девочка, любимица семьи. Она находилась всегда возле матери, а с наступлением неведомой опасности мать, что называется, не спускала с нее глаз.

В роковой день мать работала на огороде, а вблизи нее, в кустах смородины, резвился ребенок, перекликаясь с нею. Не слыша некоторое время смеха ребенка, женщина его окликнула и, не получив ответа, бросилась в кусты. Там все было тихо. Побежав в сад, который сейчас же примыкал к огороду, несчастная мать наткнулась на свою дочку.

Ребенок был мертв. Ручки были еще теплые, и глазки два раза широко открылись и затем сомкнулись навеки. На шее ребенка было две ранки, и кровь обильно залила платье.

На этот раз вмешались власти. Труп вскрывали, но ничего не нашли, кроме ранок на шее, но ведь эти ранки могли появиться от укола о сук или шип, когда ребенок падал.

Опросы и допросы ни к чему не привели, разве только затемнили дело. Обнаружились свидетели, которые говорили, что видели большую черную кошку, которая шмыгнула в рожь, когда с поля уносили дочь старосты. Находились и такие, которые уверяли, что это была не кошка, а большая зеленая ящерица.

Но общее мнение гласило – кто-то скрылся во ржи. Но при последнем случае даже этого не могли сказать. Домик стоял на краю деревни, и сбежавшиеся люди не видели ни одного живого существа. Только нищенка старуха, сидевшая у ворот, видела одного пожилого, хорошо одетого господина, который прошел из деревни по направлению замка.

Загадка осталась загадкой. Тревога все росла; девочек-подростков оберегали; но, несмотря на это, ужас охватывал даже самых спокойных и уравновешенных, так как никто не знал, откуда может прийти беда.

А все это еще усугублялось тем, что время в деревне было рабочее, тяжелое.

Понемногу тревога перешла и в замок. Между дворней были люди, имевшие в деревне и родню, и знакомства. По приказу отца от матери скрывали появление эпидемии. Иногда, когда ветер дул со стороны деревни, к нам ясно доносились удары погребального колокола. Мать вздрагивала и бледнела.

Всем, даже нам, детям, становилось жутко. Все крестились. Разговоры на минуту смолкали. Но тотчас же отец, доктор и другие старались отвлечь внимание матери от печальных звуков. Многие заметили, что при первом же ударе колокола старый американец как-то съеживался и не шел, а прямо бежал в свою сторожку.

Прошла неделя, и разразилась новая беда.

У одной вдовы крестьянки была дочь восемнадцати лет. Красавица, хохотунья, кумир всех деревенских женихов. Домик их был окружен садом, одна сторона которого выходила на большую дорогу. По приказу матери девушка и молодая работница собирали в саду крыжовник.

Со стороны дороги подошел пожилой высокий господин и попросил чего-либо напиться. Просьбу свою он сопроводил серебряной монетой, отправившейся в руку служанки.

Ничего не подозревая, она бросилась в ледник за квасом.

Возвратясь через четверть часа, она нашла свою госпожу без чувств на садовой дорожке. Незнакомца нигде не было.

Служанка подняла страшный крик. Сбежались соседи, мать, работники, а когда приподняли новую жертву, то на песке дорожки осталось темное кровавое пятно.

С большими усилиями девушку привели в чувство, но она была так слаба, что доктор запретил всякие расспросы.

О появлении незнакомца и его исчезновении сообщила, заикаясь и путая, испуганная служанка. Одно, на чем она крепко стояла, это что при ее возвращении с ледника на дороге никого не было, а дорога прямая и открытая.

– Когда я подходила, то мне было видно всю дорогу, и я подумала, что «он» вошел в сад, – твердила она. Обыскали дом и сад. Никого и ничего.

Все-таки рассказу служанки пришлось поверить: на заборе на солнышке нежился большой черный кот и, конечно, пройди здесь чужой человек, кот неминуемо бы убежал.

Известие о новом несчастье дошло до замка и не миновало ушей моей матери.

Она заволновалась и послала нашего старика доктора на помощь молодому деревенскому врачу.

Целую ночь провели доктора у постели больной, и к утру она начала говорить. Но рассказ ее был так фантастичен, что его приняли за бред.

Она бормотала, что черный господин прыгнул на забор, а потом в сад, запрокинул ей голову руками и впился в шею, но это уже был не господин, а

большая черная кошка… Все это она говорила несвязно и со стонами, боязливо озираясь по сторонам.

Молодой врач рассказы объяснил нервностью, галлюцинациями, а слабость малокровием.

Наш старый эскулап молчал у постели больной.

– Не могу же я у молодой деревенской красавицы допустить нервы и малокровие! – признался он отцу.

Больше всего его занимали ранки на шее.

– Несомненно укус! – бормотал он. – Но чей?

Прошло несколько дней. Девушка оправилась, но была слаба и бледна.

На расспросы матери, как положение больной, – доктор отвечал:

– Должен признаться, что у нее малокровие, и в сильной степени. Нужно хорошее питание, молоко, вино, – добавлял он. Мать распорядилась все это послать в дом вдовы.

Наконец беда разразилась и над нашим замком. Умерла одна из служанок, веселая Марина, та самая, которую Петро пугал американцем.

Накануне она по обыкновению работала за троих, и шутила, и смеялась. Утром, не видя ее на работе, пошли в ее комнату. Она жила под самой крышей, и туда вела маленькая крутая лесенка. Дверь оказалась незапертой.

На кровати лежала Марина, поза и лицо были совершенно спокойны, никакого беспорядка в комнате также не было, и только ветер, врываясь в открытое окно, путал волосы покойницы. В первую минуту думали, что она спит, но потом убедились, что, несомненно, она была мертва, мертва и даже начала уже застывать. На шее зловеще краснело пятно ранки с белыми, как бы обсосанными краями.

Весть об этой смерти поразила всех как громом. Страшное, незнакомое чудовище вошло в наш дом!..

На женщин напала паника, мужчины угрюмо молчали. Покойницу обрядили и положили в притворе капеллы. В этот притвор-прихожую был ход не только из зала замка, но и со двора. Старые слуги замка взялись по очереди читать положенные молитвы.

Ночь от 12 часов до утра досталась конюху. И он уверял, что покойница не иначе как самоубийца, так как ее душа всю ночь билась за окном, скреблась, выла и мяукала. Одни верили, другие смеялись, потому что в кармане рассказчика нашли пустой штоф из-под водки. Марину похоронили. Колокол капеллы печально вторил колоколу на деревне.

Родители и мы, дети, проводили гроб до ворот замка, большинство же дворни отправилось на деревенское кладбище.

Ни на прощаньи, ни на похоронах американца не было, а когда проходили мимо его сторожки, то ставни и дверь были плотно заперты.

– А старик-то боится смерти, – заметил отец.

Вскоре умерла девочка лет трех, круглая сиротка, жившая в замке из милости. Ее нашли на краю обрыва между камнями. Плакать о ней было некому, и ее живо похоронили.

Но так как труп нашли недалеко от площадки, где моя мать проводила время после обеда, то отец вздумал переменить место отдыха хотя бы на несколько дней.

Он выбрал большой балкон, с которого был прекрасный вид на долину и на заходящее солнце.

Балкон примыкал к парадным, вернее, к нежилым комнатам замка, и был во втором этаже. Комнаты эти служили прежним владельцам для шумных пиров, при отце они совсем не открывались, но сохраняли всю свою богатую и старинную обстановку.

Балкон очистили и убрали цветущими растениями, коврами и легкой мебелью.

Несколько прекрасных дней мы провели на нем.

Из-за глупой случайности опять все пошло вверх дном.

Как-то раз, кончив беседу, мать встала, чтобы под руку с отцом идти к себе вниз. Мы и гости двинулись следом.

Лакей распахнул дверь.

Мать сделала два или три шага по зале, вдруг страшно, дико вскрикнула и, протягивая руки в соседнюю залу, проговорила:

– Он смотрит, смотрит… это смерть моя! – и упала в обморок на руки отца.

Все невольно взглянули по указанному ею направлению, и у многих мороз пробежал по коже.

В соседней комнате, как раз против двери, висел портрет одного из предков нашего рода.

Высокий сухощавый старик в бархатном колете и в большой шляпе точно живой смотрел из рамы. Тонкие губы сжаты, а злые, с красными белками глаза прямо наводили ужас своей реальностью. Они жили.

Общество было поражено. Воцарилось молчание.

К счастью, один из молодых гостей сообразил, в чем дело; он бросился к большому готическому окну и с силой открыл его. Глаза на портрете сразу потухли.

Перед нами висел простой, заурядный портрет – правда, мастерской кисти, но и только. Теперь в лучах заходящего солнца блестела и сверкала дорогая золоченая рама.

Весь эффект произошел оттого, что луч солнца, падая на разноцветное готическое окно, прошел как раз через красную мантию изображенного на нем короля и придал адскую жизнь глазам портрета.

– Чей это портрет? – спросил один из гостей.

– Предполагают, что это портрет того самого родственника, чей труп недавно привезли в гробу из Америки, – ответил доктор.

– Чтобы он провалился в преисподнюю! – сказал Петро, грозя портрету кулаком. – Ну, чего рты разинули, убирайте все! – крикнул он на лакеев. – Больше сюда не придем!

Мать, против всякого ожидания, скоро успокоилась, когда ей объяснили причину.

Несмотря на видимое спокойствие матери, с этого дня ей часто казалось, что злые, с красным оттенком глаза смотрят на нее. В комнатах они не появлялись, но все чаще и чаще преследовали ее в саду; то они смотрели из-за выступа обрыва, то сверкали между листьями хмеля.

Когда она сообщила об этом отцу, он засмеялся и сказал:

– Полно, милая, даже портрета-то, тебя напугавшего, нет больше в замке; я отправил его в ссылку.

А все же, милый Альф, мать была права: глаза на нее смотрели, и смотрели с жадностью… Я сам видел их, но не одни – между листьями хмеля мелькали и нос, и губы, а все вместе напоминало американского слугу.

Я не догадался тотчас же броситься к стене хмеля, а когда сообразил, там никого уже не было. Американец сидел на крыльце своей сторожки.

Теперь мне предстоит перейти к заключительным ужасным дням, но я прямо чувствую себя не в силах сделать это сегодня. Итак, до завтра или, вернее, до следующего раза.

Твой Д.

Письмо девятое

Вот видишь, милый Альф, я делаюсь аккуратным и пишу тебе на другой же день. Это оттого, что радость моя так велика, что один я не могу ее вместить в себя!

Представь, я богат, несметно богат!

Сегодня утром ко мне явился Петро, старый слуга отца и бывший мой дядька: он передал мне книгу вкладов в банки. Оказывается, отец жил последние годы совсем отшельником и вклады сильно возросли. Более миллиона флоринов лежит в Венеции! Как это тебе покажется?

Кроме того, он принес шкатулку с драгоценностями моей матери. Если не считать особенного гребня, то вещи по красоте и стоимости не уступают знаменитой шкатулке римской императрицы.

Жемчуга и камни наилучшего качества.

Перебирая их, я вспомнил об ожерелье со змеиной головой и спросил о нем у Петро.

Он сильно побледнел, странно покосился на меня и ответил, что такого ожерелья не было.

Когда я стал настаивать и вспоминать, он резко меня оборвал и спросил:

– Что же вы думаете, что я его украл?

Пришлось замолчать.

Сам Петро сильно состарился, хотя лет ему не так много: выглядит угрюмо и страшно молчалив. Часто делает вид, что не слышит вопроса, а на настоятельные повторения отвечает либо «да», либо «нет».

Где можно добиться от него толку, то это только насчет наследства.

Деньги и драгоценности он привез сам: замок и принадлежащую к нему лесную дачу запер и оставил караульных. Земли и другие доходные статьи сданы на прежних условиях арендаторам. Деньги и отчеты будут присылаться, куда я прикажу.

Сам он просится отпустить его на поклонение какому-то святому для замаливания грехов. Обещает через полгода вернуться обратно в замок.

Я ему сказал, что в память о матери назначаю ему приличную пенсию и право жить в замке. От паломничества не отговариваю, а даю деньги на путевые расходы.

– Не надо, пойду пешком! – сурово оборвал он меня.

Когда же я сказал ему, что женюсь и поеду в свой замок, старик точно сошел с ума. Он вскочил, как молодой, глаза его засверкали; он замахал руками и закричал:

– Туда, туда… нет и нет… никогда… ты не смеешь. (Раньше он почтительно говорил мне «вы».)

Лицо его горело, а волосы беспорядочно торчали.

На мои вопросы и заявление, что я так решил, он понес такую чушь, что и не разберешь: тут было и обещание, и клятва, и проклятие, смерть и любовь – одним словом, бред сумасшедшего.

Я напоил его вином, позволил успокоиться и тогда хотел обстоятельно все выспросить. Но это было невозможно.

При первых же словах старик бросился передо мной на колени, целовал мои руки и умолял не ездить в замок.

Тут я понял, что есть какая-то тайна, но он под страхом проклятия не смеет мне ее открыть.

– Ваша мать отослала вас, вы должны ее слушаться, – кончил он с усилием.

Я говорил ему, как всю жизнь рвался на родину, как тосковал и что теперь я должен, прямо должен поклониться могилам отца и матери. Если даже для этого придется загубить и свою, и его душу.

Конечно, это я говорил для красоты слога, но с Петро снова сделался припадок исступления; он катался по полу и рвал свои седые волосы; пена шла у него изо рта…

Наконец он ослаб и притих.

– Подождите меня, вместе поедем туда, – просил он.

Желая его успокоить да и отвязаться от сумасшедшего, я обещал:

– Поторопись вернуться в замок, а через полгода и я приеду туда.

Он поклонился и вышел.

Вечером, когда я спросил о нем, то мне сказали, что, придя от меня, он живо собрал котомку и, никому не отвечая на вопросы и не говоря ни слова, ушел из дому.

Видимо, он торопился.

Ясное дело, ждать его я не буду, выясню все дела и поеду.

Но странно, Альф, после старика у меня точно камень на сердце… нервы натянулись, как струны. Прощай.

Твой Д.

* * *

Карл Иванович замолчал. Он аккуратно сложил письма и перевязал их старым шнурком.

– Это все, – сказал он.

– Как все? А где же конец?

– Где разгадка тайны?

– Читайте дальше, – слышались голоса.

– Я говорю: это все, – повторил Карл Иванович. – В пачке нет больше писем.

– Какая жалость!

– Это так интересно, неужели нет конца? По-видимому, больше всех был опечален сам хозяин.

– Карл Иванович, господин Смит говорит, что в столе есть еще бумаги, разберите их, нет ли там окончания, – сказал Гарри.

– Хорошо, мистер, завтра я посмотрю.

– Ну а сегодня нам ничего не остается, как идти спать, – сказал доктор.

Все распрощались и разбрелись по спальням.

Глава 8

Ночь прошла спокойно.

Утром за кофе хозяин обратился к капитану Райту, к которому, видимо, чувствовал симпатию, и спросил смеясь:

– Ну что, милый капитан, как ты почивал, не беспокоила тебя хозяйка комнаты?

Капитан Райт угрюмо сосал свою сигару и не сказал еще никому ни слова.

– Что же, ты полагаешь, что и я верю всем этим бредням… и боюсь, – пробурчал он сердито.

– Не волнуйся, никто не заподозрит тебя ни в суеверии, ни в трусости, – поспешил успокоить его Гарри.

– Ну а я бы не решился лечь в той комнате, – с дрожью в голосе заговорил Жорж К., молодой мальчик, тот самый, что один раз уже видел привидение.

– Лечь на ее постель, под ее занавесы, – продолжал он, – а вдруг ночью она вздумает их открыть! Бр… благодарю…

– Что вы за чушь городите! – вскричал Райт, с треском отодвигая стул.

Все изумленно на него взглянули: спокойный, холодный Райт так сердится на безобидную болтовню мальчика. Это что-то новое.

Наступило неловкое молчание.

– Господа, – поспешил на помощь хозяин, – охоты сегодня нет, и я предлагаю отправиться в замок. Ввода во владение еще нет, но местные власти в лице деревенского старосты, нашего милого гостя, – говорил Гарри, кланяясь в сторону старосты, – ничего не имеют против осмотра. Конечно, ни один камень не будет оттуда взят.

От любезного поклона будущего владельца замка лицо старосты засияло, и он предложил себя в проводники.

– Итак, после завтрака, – решил Гарри. – А вы, Карл Иванович, займитесь бумагами и постарайтесь найти нам что-нибудь для вечернего чтения.

Осмотр замка

За завтраком ни Карла Ивановича, ни старосты не было. Они оба ушли в деревню. Один разбирать архив, а другой взять ключи от замковых ворот из церковной ризницы.

Место встречи было назначено у ворот замка, куда общество из Охотничьего дома, а староста из деревни должны были прийти разными дорогами.

Замок стоял недалеко от Охотничьего дома, он как бы царил над долиной, но подняться на скалу с той стороны долины было невозможно. Прямая и отвесная скала не привлекала пешехода.

Пришлось идти через лес с противоположной стороны от деревни. Подъем был не крут и почти незаметен. Выйдя из кустов, которыми кончался вековой лес, компания тотчас же очутилась под стенами замка. Серые, мрачные, без украшений, без бойниц, они производили тяжелое впечатление.

Обогнув угол, дошли до ворот. Здесь пришлось немного обождать.

Ворота были массивные, дубовые, обитые железными полосами. Как на них, так и на маленькой калитке висели замки и печати.

Вскоре на дороге, ведущей из деревни в замок, показался староста. Он быстро шел.

Дорога эта была короче, но много круче и сильно запущена.

По знаку Гарри староста, сняв печати, толкнул калитку; с тяжелым скрипом она открылась.

Все вошли во двор.

Когда-то этот двор был мощен, но теперь зарос бурьяном; всюду по углам валялся мусор, снесенный туда ветром; стояли лужи ночного дождя – одним словом, картина запустения была полная.

Сад тоже заглох. Здесь рука времени сказалась еще сильнее: все перемешалось, перепуталось, дорожки исчезли. О цветочных куртинах не было и помину, бассейны являлись в виде заглохших мусорных ям. Площадки сохранились лучше. Так, с одной из них, с самого обрыва, открывался чудный вид на долину. В глубине виднелось голубое озеро, а справа вдали белела деревенская колокольня. В ясном воздухе слышались удары вечернего колокола.

– А эта площадка походит на ту, что описана в письмах к Альфу, – заявил молодой охотник Джемс, приехавший с Гарри из Америки. Несмотря на свойственную ему подвижность и впечатлительность, он был серьезен не по годам, любил до всего додуматься и все знать. Это был самый внимательный слушатель Карла Ивановича.

– Вот и обрыв с камнями по краю, здесь, вероятно, была стена из хмеля – ведь это западная сторона, отсюда виден заход солнца, – продолжал он, – тут же недалеко найдем и сторожку американца.

– А ты, Джемми, пожалуй, и прав! – вскричал Гарри. – Если сторожка найдется, то и место действия определено. Ура, наш Шерлок Холмс!

Все начали оглядываться, а потом и искать; думали, что разросшиеся деревья скрывают сторожку. Но все было тщетно – нигде ни признака постройки.

– Господа, пожалуйста, подъезд открыт! – крикнул торжественно староста.

Он до сих пор возился с замком, в чем помогал ему его рабочий.

Прекрасные двери из темного дуба были открыты, и ветер, врываясь в мрачную и холодную переднюю, поднял такую пыль, что ничего не было видно, особенно после яркого дневного света.

Поэтому общество поспешило в соседнюю залу. По знаку Гарри открыли окна. Повторилась та же история: с солнечным лучом ворвался и ветер, пыль поднялась как туман, охватывая всех и каждого.

– Точно серое покрывало привидения! – уверял Жорж К.

Окно поспешили закрыть и второй раз решили не открывать.

Пришлось осматривать в полутьме.

Окна были до того запылены и загрязнены, что пропускали только сероватый свет, а иные при этом были еще сделаны из цветных стекол.

Все же можно было разглядеть, что комнаты полны мебели, картин и всего прочего. Большинство вещей было закрыто чехлами. Ни книг, ни других мелких предметов обихода не валялось. Все было прибрано. Видимо, жильцы ушли спокойно, а не бежали, как из Охотничьего дома.

Комнат было много, и, судя по мебели, тут были спальни, гостиные и прочее, но при столь тусклом освещении они ничем не привлекали внимания общества.

Поднялись во второй этаж. Здесь сохранилась обстановка более жилая; этот этаж был покинут позднее, чем нижний. Можно было наткнуться на много неубранных, обыденных вещей. Вот лежит забытый хлыст и пара перчаток, вот на полу роскошный голубой бант: несомненно, от дамского туалета, а вот и раскрытая книга.

Джемс не преминул в нее заглянуть:

– Латынь. «Сказание о ламниях и выходцах с того света», – объявил он.

– Гарри, когда ты получишь замок, позволь мне прочесть эту книгу.

– Конечно, Джемми, тогда ты можешь взять ее совсем.

– Что это, разбитое зеркало?

И правда, гладкая черная рама была пуста.

Прошли еще несколько комнат. Вот большая зала, стены которой сплошь увешаны портретами: семейная галерея.

Гарри и Джемс, отделившись от общества, были в соседней комнате.

– Смотри, Гарри, эта дверь определенно ведет на балкон. Значит, выходя отсюда, хозяйка дома увидела тот страшный портрет. Теперь его место, должно быть, пусто.

– Да будет тебе, сыщик, – смеялся все слышавший доктор. – Как ты ни смотри, а пустого места на стенах нет. Не эту ли красавицу ты называешь «страшный портрет»? Да и рассуди логично: если место действия здешний замок, то письма писал его владелец, каким же образом они попали обратно сюда, не писал же он их сам себе. А раз они здесь, то значит, он их не писал, а получал.

– Но замок стоит на горе, и в народе рассказывают о нем разные чудеса, – не унимался Джемс.

– Замков на горах много, а легенд про них еще больше! – отрезал доктор.

Говоря так, они подошли к портрету. Высокая, стройная, с чудным цветом лица и лучистыми черными глазами, она заслуживала вполне название красавицы. Черные волосы был и высоко подобраны под жемчужную сетку, и красивый большой гребень удерживал их на макушке. Его резной край, тоже с жемчугом, выглядел как корона над волнами волос. Белое шелковое, затканное серебром платье фасона Екатерины Медичи выказывало стройность фигуры, а большой воротник из настоящих кружев, с драгоценными камнями, подчеркивал изящество белой шеи. В руках ее были розы.

Напротив висел портрет мужчины. Белокурый, прекрасно одетый, он, казалось, даже с портрета любовался своей соседкой и обожал ее.

– Какая прекрасная пара, – восхищался доктор, – но поспешим, нас ждут.

Все общество остановилось у запертых дверей.

Массивные, чугунные двери были покрыты золоченым орнаментом такого тонкого и изящного рисунка, что казались легкими. Главным украшением были кресты на обеих половинках.

Это украшение прямо указывало, что двери ведут в капеллу.

Попробовали их открыть и убедились, что они не просто замкнуты, а заделаны. Как щели, так и замочная скважина были залиты каким-то металлом.

На ручке дверей висел венок из цветов, но что за цветы составляли этот венок, сказать было нельзя, до того он истлел. От одного прикосновения венок разлетелся прахом.

Глава 9

Компания отправилась дальше.

В третьем этаже были помещения для прислуги. Из них на наружной веранде можно было спуститься прямо в сад, что и сделали.

Восточная сторона сада представляла ту же картину запустения, что и западная.

Прошли в самый конец.

Оказалось, что общий массив скалы здесь еще приподнимается и образует высокий красивый выступ, по гребню которого и проходит замковая стена.

Скала под стеной, видимо, была отделана рукой человека. Оставив красивую площадку у подножья, она отвесно опускалась в сад и вся сплошь была закрыта вьющимися растениями, точно завешана дорогой портьерой.

Скоро между растениями рассмотрели две пары колонн: они были из темного порфира и поддерживали небольшой фриз. Когда отодвинули лишние ветки, то образовался как бы вход в маленький храм. К нему вели несколько совершенно расшатанных ступеней. Двери не оказалось, а была ниша и в ней недюжинной работы мраморная статуя.

Доктор, поклонник искусства, рискуя свернуть себе шею, взобрался по шатким ступеням и принялся осматривать статую.

– Великолепный мрамор, итальянская работа, – сообщал он.

– Постойте, да тут что-то написано: «Покойся твое тело, а мятежный дух…» – читал доктор.

Вдруг он вскрикнул и полетел со ступеней. Желая лучше разобрать полустертую надпись, он оперся о статую, а та, точно только того и ждала – рухнула с пьедестала и, падая, ударила Смита по голове, да так сильно, что и он упал, а статуя разбилась на куски. Только мраморная чудной работы голова отлетела на мох и не очень пострадала. С крепким ругательством поднялся Смит и грубо толкнул ногой прекрасную голову богини.

Гарри остался недоволен и приказал ему отнести голову в Охотничий дом.

Незаметно Смит передал это распоряжение рабочему.

На доктора посыпались насмешки и шутки. Раздосадованный падением и зная по опыту, что не так-то скоро отделается от насмешек, он решил до известной степени восстановить свое реноме и прочесть надпись, которая стоила ему синяков.

Снова взобравшись на ступени, он наклонился к пьедесталу и через минуту торжественно объявил:

– Не смейтесь, я открыл тайну. Пьедестал пуст, а в нем плита с кольцом. Ясно, подъемная дверь. Смотри же, Гарри, третья часть найденного клада моя. Посмотрю, засмеетесь ли вы, господа, когда я получу мешок золота или пригоршню бриллиантов, – шутил доктор.

Двое рабочих довольно легко подняли плиту.

– Конечно, ход в подземелье, – сообщал доктор стоявшим внизу. – Дайте веревку, я спущу сначала Джо, он посмотрит, крепка ли лестница.

– А, да вы, доктор, боитесь синяков! – кричали голоса снизу, но веревку все-таки подали.

Джо, молодой и ловкий слуга и помощник доктора, обвязался веревкой и охотно начал спускаться.

– Лестница превосходная, – сообщал Джо, – здесь целая комната, только темно, плохо видно. Подождите, у меня есть спички, – продолжал он.

Через мгновение раздался крик ужаса, и Джо одним прыжком не только очутился наверху лестницы, но и выскочил в сад.

Он был бледен, и губы его дрожали.

– Что, что такое, что там? – засыпали его вопросами.

– Там… я не пойду туда больше! Там сидит мертвец.

– Какой мертвец, что ты мелешь, трус, говори толком.

– Господин доктор, я и говорю толком, там сидит мертвец. Мне ли не узнать человеческого черепа, – прибавил он.

– Так я и думал, – проворчал доктор, – скелет, а не мертвец. Дурья ты голова. Скажи-ка лучше – ступени крепкие?

– Да, господин доктор, такие крепкие, что не только вас, а целого слона выдержат.

– Ну, помолчи, – и доктор, кряхтя и охая, полез по узкой лесенке.

Наступило молчание. Было жутко.

Гарри не выдержал и, поднявшись на ступени, крикнул в отверстие:

– Жив ли ты, доктор?

– Ну конечно жив. Сейчас вернусь и расскажу. – Немного погодя он и сам показался из люка, и Гарри помог ему выбраться.

– Прикажите закрыть люк, ничего особенного там нет, то есть я хочу сказать, там нет ни золота, ни бриллиантов, и от своей трети находки я отказываюсь в пользу деревенского кладбища.

Потом доктор, не торопясь, принялся готовить себе сигару.

– Да говорите, что там? Правда ли есть скелет? Где он лежит? – спрашивала любопытная молодежь.

– Подождете, вам бы только смеяться над пожилыми людьми, а небось к мертвецу никто не пошел, струсили поди, – бурчал доктор.

– Не будем больше, не будем, вы доказали свою храбрость, падайте теперь вверх тормашками, не будем смеяться, – уверяли молодые люди.

– Ну то-то! – сказал наконец удовлетворенный доктор. – Слушайте же. Там небольшая комната, ну, скажем, сажень в квадрате, пустая. На стене, что упирается в гору, мраморная плита с надписью: «Здесь покоятся Фредерик и Мария, из древнего и знаменитого рода графов Дракула».

– Ну а где же мертвец? – не унимались любопытные.

– Погодите, будет и мертвец! – отвечал доктор.

– С той стороны, что, по моему расчету, выходит на озеро, на обрыв, есть в стене щель; через нее проникает свет. Щель или расщелина настолько широка, что через нее может протиснуться человек, конечно, не такой, как я или капитан Райт. Вот возле этой-то щели на полу и сидит мертвец – точнее, скелет, приложив голову к выступу скалы. Кожа на лице почти не сохранилась, а судя по зубам, покойник был не стар. Волос на голове тоже нет, они или обриты, или же их съела какая-нибудь порода моли. Одежда настолько истлела, что определить материал или покрой невозможно. Какой-то плащ или халат.

– Вот и все, – закончил доктор, затягиваясь приготовленной сигарой.

– Но как он туда попал? – спросил Жорж К.

– Это вопрос трудный. Быть может, добровольно, быть может, и нет. Мог сойти через люк, и тот ожиданно или неожиданно закрылся. Наконец, мог прийти через расщелину и не имел сил выйти обратно, но последнее предположение сомнительно. Расщелина должна пройти как раз посередине утеса, на котором стоит замок. Так что добраться до нее нелегко. Но если даже представить, что кто-либо ради любопытства и проник в нее, то почему он не пошел обратно и уже на дороге не завяз и не умер, а остался ждать смерти у входа, на пороге спасения, так сказать. Все это очень темная история.

– Одно несомненно: расщелина образовалась уже после постройки склепа, не мог же строитель оставить незаделанной такую огромную щель. Какой был смысл? – закончил свой рассказ доктор.

Предположения, догадки сыпались градом. Но ни одна не выдерживала логических возражений.

– Странно, что склеп сделан не под капеллой, как принято, а в стороне, – заметил Джемс.

– Да это скорее не склеп, а одиночная могила, так как других надписей нет, – добавил доктор.

Находка скелета удручающе подействовала на общество, и было решено дальнейший осмотр прекратить.

Через хозяйственный двор прошли мимо конюшен, людских, кухонь прямо к воротам.

Староста аккуратно запер калитку и повесил новую печать.

До заката оставалось еще часа два, а потому решили идти по новой дороге в деревню, навестить Карла Ивановича в его архиве.

Дорога была крутая и очень испорчена временем. Шли молча.

Никто не заметил, что староста исчез.

При входе в деревню он встретил Гарри низкими поклонами, прося удостоить чести его дом.

– У меня в саду приготовлено пиво, его варили мои дочери, – говорил он.

Ничего не оставалось, как зайти, да и после жаркой и пыльной дороги глоток пива казался им не лишним.

Когда общество разместилось под тенью цветущей липы да холодное вкусное пиво принесли две хорошенькие дочери хозяина, то стаканы начали быстро пустеть и вновь наполняться.

Только доктор отказался от пива и попросил стакан колодезной воды.

А на насмешки товарищей ответил:

– Не люблю я деревенского пива, в нем всегда есть примесь дурмана. Вы, Жорж, не налегайте, вам и без дурмана снятся красавицы.

Жорж К. в ответ выпил огромную кружку пива.

– За здоровье здешних красавиц! – воскликнул он задорно, кланяясь дочкам старосты.

– За здоровье наших милых хозяек! – подхватила молодежь, весело смеясь.

Дочки старосты даже вспыхнули от удовольствия и стыдливости.

Это были девушки шестнадцати-восемнадцати лет, здоровые, свежие, а при опрятности костюма и роскошных косах даже привлекательные и не для таких скучающих шалопаев, как наши охотники. Так что когда Гарри в сопровождении доктора и старосты вышел из сада, компания и не сдвинулась с места.

– Оставьте их! – сказал Гарри доктор.

Пошли к церкви.

Ризница была открыта, и сторож беспрекословно пропустил старосту и его спутников.

В ризнице хранилось запасное облачение священника, хоругви, кресты и прочая утварь.

Гарри обратил внимание на большой крест, будто бы сделанный из мозаики.

– Что это за дерево? – обратился он к сторожу.

– Это омела, – отвечал сторож. – Крест сделал один из моих предшественников. Мне бабушка говорила, что этот сторож был древний старик и имел много странностей, – добавил староста. – Он целыми днями делал кресты разных размеров и дарил их всем жителям деревни. У меня в доме тоже есть. В сторожке, где он жил, было полно крестов, но главное то, что он делал их только из омелы. Летом старик разводил чеснок, до которого был большой охотник, и остролист. Когда его спрашивали, почему он не сделает креста из дуба или березы, а все из омелы, он хитро улыбался и шамкал: «Не любит, боится», – рассказывал сторож, польщенный вниманием Гарри.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Идущее из раннего средневековья представление о черте предполагает у него и у других демонических существ наличие черт животных – конскую голову, гусиные лапы, птичий клюв. – Fed.

Купить: https://tellnovel.com/baron-olshevri_/vampiry-iz-semeynoy-hroniki-grafov-drakula-kardi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити